

шой материал по семейному быту, по свадьбе, обрядам, связанным с рождением и смертью, получены обширные сведения о земледельческом календаре, праздниках, системе мер, фенологических наблюдениях народа. В целом отмечается, что материальная и духовная культура жителей долины Зеравшана сохранила много самобытности и своеобразных черт, отличающих ее от культуры южных таджиков.

Этнография таджиков Варзоба, отделенных от таджиков Зеравшана Гисарским хребтом, изучается Р. Л. Неменовой, которой в рецензируемом сборнике помещен отчет о поездке 1961 года, а также предварительный отчет о поездке 1962 г. (стр. 67—75, 84—85). В Варзобе живут различные группы таджиков: варзоби, каратегини, кулоби, т. е. исконные поселенцы и выходцы из Каратегина, Куляба, а также некоторые другие группы, названия которых связаны с местной географической терминологией (например сугуди — низинные, степные, сархади — высокогорные и т. п.). Прослежено бытовавшее ранее подразделение на семейно-родовые группы и соответственное деление селений на кварталы. Выявлено два типа жилища — один, близкий к каратегинскому, другой — к гисарскому. Собран очень большой материал по сельскому хозяйству и ремеслам. Сейчас характерно, что основная масса мужского населения Варзоба работает на промышленных предприятиях, часть которых расположена на территории самого Варзоба. Автор отмечает, что материал по топонимике показывает наличие здесь нетаджикского языкового субстрата, очевидно ягнобского.

Последнему вопросу посвящена напечатанная в сборнике статья лингвиста А. Л. Хромова «К вопросу о топонимике Матчи» (стр. 76—82), в которой рассматриваются два топонимических слоя самой верхней части долины Зеравшана — таджикский и ягнобский (или согдийский).

В сборнике нашли также отражение работы двух других отрядов Института истории АН Тадж. ССР, проводившиеся в 1962 г. (стр. 83—87). В одном из них работали историки средневековья под руководством А. Мухтарова, работа велась также в долине Зеравшана. Отряд собрал большой материал: несколько сотен актов и других юридических документов, значительно пополняющих наши сведения о земельных отношениях, землепользовании, налоговой системе и административном устройстве позднесредневекового периода, несколько средневековых надписей на камне (наскальных и намогильных), фрагменты резьбы по дереву IX—X вв.

Другой этнографический отряд, работавший в припамирских районах, в основном был занят приобретением этнографических экспонатов для Музея археологии и этнографии. Сотрудниками отряда приобретено свыше 250 бытовых предметов и образцов народного прикладного искусства, сделано свыше 300 фотоснимков. Среди приобретенных предметов выделяются ткацкие станки — вертикальный (бытовавший среди припамирских таджиков) и горизонтальный (общетаджикского типа), серпы, ножи, коллекция керамики, различные металлические изделия, конское снаряжение, охотничьи принадлежности, комплекты костюма жениха и невесты, расшитые платья, коллекции вязаных узорных чулок, тибетеек, мелких вышивок. Отряд изучал особенности жилища, главным образом в Вахане, различные старинные обряды и обычаи; особенное внимание было уделено процессу изменения быта и материальной культуры в современных условиях. Руководитель отряда — А. К. Писарчик.

С большим удовлетворением можно отметить, что в Таджикистане имеется хороший, энергичный коллектив специалистов — историков и этнографов, широко и со знанием дела ведущий большую напряженную и, что особенно важно, систематическую работу по изучению истории, быта и культуры народа, о которой достаточно красноречиво говорит содержание рецензируемого сборника. Работа эта находит отражение не только в публикуемых трудах, но и в организации и непрерывном пополнении музея, обладающего в настоящее время подлинными шедеврами культуры таджикского народа.

Н. Кисляков

К. Д. Лаушкин. *Онежское святилище*. Часть I. Новая расшифровка некоторых петроглифов Карелии. «Скандинавский сборник», IV, Таллин, 1959, стр. 83—111. Часть II. Опыт новой расшифровки некоторых петроглифов Карелии. «Скандинавский сборник», V, Таллин, 1962, стр. 177—298.

В 1848 г. консерватор Минералогического музея Академии наук К. Гревингк, а немногим позднее учитель петрозаводской гимназии П. Швед обнаружили на восточном берегу Онежского озера группу наскальных изображений Бесов Нос. Спустя некоторое время П. Швед, а затем и К. Гревингк опубликовали о них первые сообщения, иллюстрированные несколькими очень несовершенными копиями-зарисовками открытых ими

изображений<sup>1</sup>. С научной точки зрения эти работы были довольно наивными. Тем не менее более 60 лет они оставались единственным источником информации о петроглифах Онежского озера. Ни авторы открытия, ни те, кто писал об этих необычных рисунках с их слов (Г. Спасский, П. Семенов, Е. Барсов, Н. Шайжин и др.), так и не осознали огромной научной ценности памятника. Они не поняли наскальных рисунков, и последние продолжали оставаться загадочным памятником, неизвестно кем, когда и с какой целью созданным. Позднее рисунки Онежского озера привлекли внимание А. Бреггера, А. Шидловского, А. Тальгрена, М. Беркита, Г. Гальштрема. Двумя последними была сделана попытка возобновить полевое изучение онежских петроглифов.

Несмотря на некоторое внимание к наскальным рисункам с Онежского озера и их высокую оценку рядом исследователей, они не стали предметом специального изучения. По словам А. А. Спицына, «никого не манил этот отрывочный, слабый и трудный для понимания материал»<sup>2</sup>. Трудно сказать, как долго онежские петроглифы оставались бы в печальном полужабвении, если бы не одно случайное, но блестящее открытие. В 1926 г. А. М. Линевский в устье реки Выг, недалеко от впадения ее в Белое море, обнаружил новую группу наскальных изображений, названную им Бесовы Следки (народное название памятника — Чертовы Следки). Вскоре в поле зрения исследователя оказались и наскальные изображения Онежского озера. В результате многолетних работ (1926—1935 гг.) А. М. Линевский добился больших успехов не только в выявлении и публикации новых рисунков, но и в их интерпретации. Немаловажной заслугой А. М. Линевого является то, что своими работами он привлек к наскальным изображениям Карелии и обнаруженным вокруг них первобытным поселениям внимание таких исследователей, как В. И. Равдоникас, А. Я. Брюсов и др.

В 1935 г. В. И. Равдоникас приступил к полевому изучению и копированию онежских петроглифов, а вскоре осуществил полную публикацию памятника<sup>3</sup>, получившую высокую оценку как в нашей стране, так и за рубежом. Та же работа была проделана им и над петроглифами Беломорья, где ему удалось открыть новую замечательную группу — Залавругу<sup>4</sup>. Занимаясь публикацией рисунков, В. И. Равдоникас пытался разгадать их смысловое значение. А. М. Линевский и В. И. Равдоникас по-разному подошли к расшифровке карельских, в частности онежских, петроглифов. А. М. Линевский начал эту расшифровку с тщательного полевого изучения рисунков (их состава, численного и процентного соотношения однотипных изображений, стилистических особенностей, топографии и т. д.). В результате он пришел к выводу, что несмотря на религиозное, магическое значение рисунков, в них отразилась реальная, «земная» жизнь древнего населения края: отдельные стороны хозяйства, орудия производства и др. Отсюда — попытки широко использовать петроглифы для воссоздания не только сначала формы мышления данной эпохи, расшифровать семантику наскальных изображений<sup>5</sup>.

В. И. Равдоникас возражал против такого подхода к памятнику. Он считал, что рисунки не были «снимками с натуры», а воспроизводили образы магического и религиозного происхождения, «преломляемые через призму первобытного мышления с его специфическими нормами»<sup>6</sup>. Поэтому, по его мнению, надо было «восстановить сначала формы мышления данной эпохи, расшифровать семантику наскальных изображений, которую им приписывали люди, создавшие их, и уже затем, отправляясь от подлинного, т. е. древнего смысла изображений, заключать о хозяйстве и об общественной жизни этих людей»<sup>7</sup>.

Критикуя А. М. Линевого и его сторонников за наивно-рационалистический подход к наскальным рисункам, В. И. Равдоникас сам не избежал весьма субъективного и произвольного их толкования, выразившегося в преувеличении сходства карельских и южнскандинавских петроглифов, выделении фантастических стадий «тотемического» и «космического» мышления, в необоснованном выявлении большой группы солярных и лунарных знаков и, наконец, в некоторых конкретных расшифровках.

Следствием этих разногласий в трактовке древних рисунков была острая дискуссия, разгоревшаяся в 1930-е годы. Кроме основных исследователей — А. М. Линевого

<sup>1</sup> Подробнее об открытии наскальных изображений Онежского озера на раннем этапе их изучения см.: В. И. Равдоникас, Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря, ч. 1, М.—Л., 1936, стр. 6—14; здесь же имеется библиография работ П. Шведа, К. Гревинга и других исследователей.

<sup>2</sup> А. А. Спицын, Олонецкие петроглифы (По поводу статьи А. М. Линевого) «Сборник Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народов», т. 1, Л., 1929, стр. 49.

<sup>3</sup> В. И. Равдоникас, Указ. раб.

<sup>4</sup> В. И. Равдоникас, Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря, ч. II, М.—Л., 1938, стр. 12.

<sup>5</sup> См., например, А. М. Линевский, Петроглифы Карелии, Петрозаводск, 1939, стр. 190—191.

<sup>6</sup> В. И. Равдоникас, Указ. раб., ч. I, стр. 16.

<sup>7</sup> Там же, стр. 18.

и В. И. Равдоникаса, в ней приняли участие и другие ученые. Великая Отечественная война прервала плодотворное изучение древностей Севера, а после войны интерес к наскальным рисункам Карелии заметно ослаб.

Следует отметить, что ни А. М. Линевский, ни В. И. Равдоникас не считали проблему расшифровки наскальных изображений решенной. Свои основные работы, посвященные наскальным рисункам, они рассматривали в качестве введения к будущим фундаментальным исследованиям, которые, к сожалению, до сих пор не появились.

К настоящему времени точка зрения А. М. Линевого получила более широкое признание в советской исторической науке, но в то же время не были полностью отвергнуты и взгляды В. И. Равдоникаса. Больше того, время от времени они получали положительную оценку в трудах таких крупных исследователей, как А. П. Окладников, С. Н. Замятин и некоторые другие.

Таким образом, невыясненными или по крайней мере спорными оставались вопросы методики исследования рисунков, их назначение и содержание, время возникновения и этническая принадлежность их создателей. Многие рисунки и композиции оставались совершенно непонятными или были расшифрованы явно неубедительно.

Тем больший интерес вызывает работа К. Д. Лаушкина, посвященная истолкованию одной из групп карельских петроглифов — рисунков Онежского озера. Она является свидетельством оживления интереса к этим замечательным памятникам. Несомненно, что К. Д. Лаушкин взялся за разрешение одной из труднейших научных проблем, которая и сегодня во многом остается еще «белым пятном» в исторической науке. Решение ее осветило бы такие стороны жизни и быта наших далеких предков, знание которых сейчас остается еще на уровне догадок и предположений. Не случайно в последние годы исследователи все настойчивее пытаются использовать рисунки как источник для изучения не только материальной, но и духовной культуры первобытного населения. Однако, как правило, эти попытки были недостаточно эффективными, так как исследователи ограничивались их внешним изучением, не проникая в древнее смысловое содержание. Изображения оставались немymi. Ученым не удавалось узнать, что значили эти рисунки для их творцов и почитателей — людей эпохи неолита и раннего металла, населявших восточный берег Онежского озера.

В лице К. Д. Лаушкина наскальные изображения получили нового исследователя-энтузиаста, который полнее, чем кто-либо из его предшественников, попытался выяснить происхождение онежских петроглифов, их семантику и роль в жизни древнего населения края. Сосредоточив основное внимание на расшифровке рисунков, автор не ограничился ею. Конкретные расшифровки он использовал для воссоздания мировоззрения древних обитателей края, причем сделал это настолько полно, как не смог пока никто из исследователей. Ему удалось оживить рисунки, убедительно показать, что за ними стоит целый неизведанный мир религиозных, фантастических идей и представлений, легенд и мифов.

Одним из основных достоинств работы К. Д. Лаушкина является многосторонний подход к решению проблемы, привлечение данных археологии, фольклора, языкознания, этнографии и других научных дисциплин. Ценными представляются отдельные высказывания по методике изучения петроглифов (специально этот вопрос автор не рассматривает), в частности, — принципы использования фольклорного и этнографического материала (ч. II, стр. 222—224). Впервые так широко к расшифровке наскальных изображений К. Д. Лаушкин привлекает саамские (лопарские) фольклорные параллели, открывая тем самым дополнительный источник сравнительно-исторического изучения онежских рисунков. Оригинальностью и смелостью отличаются конкретные расшифровки автором отдельных композиций. При этом К. Д. Лаушкин пытается расшифровать наиболее трудные для понимания композиции, не интерпретированные вообще или истолкованные очень противоречиво и неубедительно. Своеобразная манера изложения, живой, яркий литературный язык дополняют достоинства работы и делают чтение ее увлекательным.

Особенностью данной работы является ее резко полемический характер. В полемике К. Д. Лаушкин показал широкую эрудицию, хорошее знание конкретного объекта исследования (рисунков), который изучал не только по публикациям, но и в поле. Он подошел к петроглифам как идеологическому памятнику, памятнику духовной культуры прежде всего. Отсюда попытка отказаться от некоторых укоренившихся представлений, связанных главным образом с «магической теорией», объясняющей появление рисунков в основном промысловой магией. Все это отчетливо отразилось не только в отдельных расшифровках, но и в понимании памятника в целом.

Отмечая несомненные положительные стороны работы «Онежское святилище», нельзя не сказать и о ее недостатках. Главный из них заключается в спорности или недоказанности отправных положений концепции К. Д. Лаушкина, с помощью которых им был найден «ключ» к разгадке рисунков Онежского озера.

Если говорить о взглядах К. Д. Лаушкина на петроглифы Онежского озера в целом, то следует отметить, что они не являются принципиально новыми, хотя содержат много самостоятельных и оригинальных выводов и наблюдений. По существу он от-

стаивает и развивает взгляды В. И. Равдоникаса, отказываясь от некоторых его конкретных расшифровок. В работе используются отдельные частные наблюдения и расшифровки А. М. Линевского, хотя общая точка зрения его подвергается незаслуженно резкой критике.

Прежде всего — и это правильно — К. Д. Лаушкин обратил внимание на группу довольно однотипных изображений предметов (61 рисунок) округлой, порой серповидной формы, с отходящими от них лучеобразными отростками. А. М. Линевский считает их изображениями капканов, В. И. Равдоникас видит в них символические изображения солнца и луны. К. Д. Лаушкин с первой точкой зрения (он называет ее «капканной теорией»), которая получила широкое признание в нашей науке, не согласен. Те, кто принимал эти круги и полукругия за капканы, по его мнению, принципиально неправильно подходили к онежским петроглифам. На наш взгляд, эта точка зрения была лучше обоснована, чем ее антипод — «солярная теория». Правомочность выделения «солярных» и «лунарных» знаков среди петроглифов Онежского озера в изданных работах В. И. Равдоникаса обоснована не была, он надеялся сделать это в исследовательской части, оставшейся неосуществленной.

Для К. Д. Лаушкина эта группа изображений оказалась чрезвычайно важной. Он считает их «своего рода музыкальным ключом» для правильной интерпретации всех остальных изображений. «Принятые за капканы,— пишет К. Д. Лаушкин,— они уведут нашу мысль в сторону от истинного значения как всего святилища в целом, так и отдельных рисунков. И только взятые за то, что они есть на самом деле,— за знаки солнца и луны, они с неожиданной силой выявляют основной смысл всей группы наскальных изображений, когда вдруг перед нами развертывается целая симфония образов, связанных единой идеей и проникнутых единым содержанием» (ч. II, стр. 225).

В. И. Равдоникас видел здесь элементы космических представлений, К. Д. Лаушкин без серьезной дополнительной аргументации принимает за доказанный факт существование сильно развитого космического культа, «когда солнце оформилось как мифологическое существо и приняло человеческий образ» (ч. I, стр. 92, 109; ч. II, стр. 189). Онежское святилище было, по его мнению, грандиозным храмом солнца эпохи первобытности.

Таким образом, одно из главных отправных положений К. Д. Лаушкина остается недоказанным. Что касается родства и параллелей наскальных изображений Онежского озера и Бохуслена (Швеция), то и в этом автор, на наш взгляд, неправ. Его доводы в пользу родства и прямых аналогий неубедительны и скорее доказывают обратное (ч. I, стр. 88—91). Стремясь избежать крайностей, допущенных в истолковании этих изображений В. И. Равдоникасом, он не настаивает на том, чтобы непременно все рисунки (61) этой группы принимать за лунарные и солярные знаки, допуская, что, возможно, «более тонкий анализ позволит когда-нибудь выделить из этой группы какие-то, фигурально говоря, изотопы, обозначающие другие предметы» (ч. I, стр. 87). Подобная оговорка есть и во второй части работы, однако это ничего не меняет в существе «солярной» теории.

К. Д. Лаушкин, видимо, недостаточно отчетливо представляет себе материальную жизнь населения, реконструкциями религиозных верований которого занимается в своем исследовании. Иначе трудно понять его утверждение о полуоседлом образе жизни людей, для которых наскальные изображения были святилищем (ч. II, стр. 202). Данными археологических раскопок сейчас уже неоспоримо доказано, что в этот исторический период берега Онежского озера были заселены оседлыми родоплеменными группами, основными занятиями которых были рыболовство и охота. На этой стадии развития хозяйства культ солнца и луны вряд ли мог занимать ведущее место в верованиях древнего населения края. Параллели с данными саамского фольклора не убеждают, поскольку космический культ лопарей мог возникнуть в силу специфических условий Крайнего Севера, где наблюдаются полярные зимы, когда солнце не показывается вовсе, и белые ночи, когда оно не заходит за горизонт. Подобного в районе Онежского озера не наблюдается, и само солнце не ощутимо здесь так, как в Заполярье.

К. Д. Лаушкин неправомерно объединяет онежские петроглифы и Оленеостровский могильник, считая, что оба эти памятника созданы одной племенной группой. Этим он пытается определить время создания рисунков: по его словам, «единственной возможностью для датировки онежских петроглифов может служить комплекс Оленеостровского могильника. Петроглифы могут быть датированы временем существования могильника» (ч. II, стр. 202). С другой стороны, он пытается доказать наличие у древних жителей Обонежья веры в существование трех миров — верхнего, среднего и нижнего, населенных божествами, духами, злыми чудовищами, над которыми возвышается светлое солнечное божество (ч. II, стр. 368). Между тем, эти замечательные памятники по времени создания отстоят один от другого почти на тысячу лет. Да и созданы они, видимо, разным по этнической принадлежности населением.

При всей спорности датировки Оленеостровского могильника большинство исследователей теперь не считают возможным относить его ко времени более позднему, чем ранний неолит (А. Я. Брюсов, М. М. Герасимов, Н. Н. Гурина и др.), а А. Г. Панкратов

шев относит его даже к подземному мезолиту (IV тысячелетие до н. э.)<sup>8</sup>. Оленеостровский могильник ближе к кругу памятников с керамикой типа Сперрингс, а онежские петроглифы начертаны, по-видимому, населением, в среде которого употреблялась развитая ямочно-зубчатая и «асбестовая» керамика. Появились они не ранее конца II тысячелетия до н. э., как об этом можно судить по материалам окружающих их древних стоянок, одновременных наскальным изображениям. Таким образом, вряд ли можно говорить о прямой связи онежских петроглифов и Оленеостровского могильника.

Для расшифровки рисунков К. Д. Лаушкин широко использовал известный карело-финский эпос «Калевала», полагая, что там можно найти прямые соответствия некоторым композициям наскальных изображений Онежского озера. Между тем область формирования карел, как и финнов, а следовательно, и их фольклора, находилась далеко за пределами Онежского озера. Время создания и основное идейное содержание наскальных изображений и рун «Калевалы» различны. Нельзя поэтому считать «галерею онежских гравюр» древнейшим изданием Калевалы, иными словами — видеть в образах наскальных изображений истоки знаменитого эпоса (ч. II, стр. 297).

Вывод о том, что за рисунками Онежского озера скрываются разнообразные, порой довольно сложные мифологические образы, не может вызывать возражений. Но тем не менее нужно отметить, что мифологические образы на скалах воплощались в реальных, знакомых первобытному человеку по жизненной практике образах. В своих даже схематических и упрощенных рисунках (не говоря уже о ярко реалистических) первобытный художник оставался верен натуре. По мнению К. Д. Лаушкина, те или другие отступления от натуры вполне естественны, поскольку мы имеем здесь дело с образами фантастическими. На этом основании в фигуре выдры он видит изображение ящерицы и возражает против участия зоологов, равно как и кораблестроителей, в расшифровке рисунков. Между тем участие в этой работе ученых других специальностей — зоологов и ихтиологов — было бы весьма полезно. При внимательном изучении рисунков удастся рассмотреть отдельные характерные признаки, по которым можно довольно точно установить вид изображенных животных и рыб. Понятно, что правильное представление о составе петроглифов имеет немаловажное значение для их расшифровки. Чтобы показать, что в этом направлении сделано далеко не все, сошлюсь на один факт. На центральной скале Залавруга имеется величественная сцена, состоящая из трех огромных рисунков животных, под ногами у которых, как бы преграждая им путь, изображены большие лодки с людьми. А. М. Линевский, а вслед за ним целый ряд других авторов, принимает этих животных за лосей, а всю композицию расшифровывают как сцену охоты на лосей во время их переправы через реку. Между тем это изображения не лосей, а оленей. Так определил эти фигуры и В. И. Равдоникас. В таком случае есть все основания объединять эту сцену с большой группой оленей, изображенных по соседству, а следовательно, несколько иначе рассмотреть весь комплекс «Залавруга».

Выводы автора не становятся более убедительными от того, что в этнографических параллелях он уходит в очень отдаленные и не схожие с Карелией области: на острова Тихого океана, Родос, в Иудею, Персию, Африку и т. д. (ч. I, стр. 94; ч. II, стр. 201 и др.). Нельзя признать удачными попытки использовать лингвистические данные (ч. I, стр. 110—111). Вряд ли целесообразно противопоставлять петроглифы Онежского озера наскальным рисункам Беломорья (ч. I, стр. 106 и др.). Отмечая различия в этих группах, нельзя не обратить внимания на их сходные черты.

Таким образом, некоторые положения исследования К. Д. Лаушкина делают работу «Онежское святилище» во многом дискуссионной. Однако обсуждение ее могло бы принести большую пользу изучению наскальных рисунков Карелии, поскольку в ней хорошо очерчен круг наиболее важных и в то же время сложных вопросов и делается попытка их решения. Смелый и интересный опыт расшифровки онежских петроглифов, проделанный К. Д. Лаушкиным, несомненно оставит заметный след в науке и поможет в дальнейших поисках решения этой трудной научной проблемы со многими неизвестными.

В связи с открытием в сентябре 1963 г. новой группы наскальных рисунков Беломорья (164 изображения) появились реальные возможности для решения некоторых из этих неизвестных, например для установления датировки «Онежского святилища». Широкое исследование древних поселений, окружавших петроглифы, проведенное за последние годы, дает тот исторический фон, на котором более углубленно может вести изучение петроглифов.

Можно надеяться, что в связи с возрастанием интереса к первобытному искусству, вызванного блестящими открытиями как в нашей стране, так и за рубежом, а также

<sup>8</sup> М. М. Герасимов, Восстановление лица по черепу. Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXVIII, М., 1955; Н. Н. Гурин, Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 87, 1961, стр. 51; Г. А. Панкрусhev, Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла, М.—Л., 1964, стр. 40.

потребностью максимально полного использования памятников изобразительного искусства для воссоздания правдивой и достоверной истории первобытного общества, карельские петроглифы найдут новых исследователей. Полная расшифровка наскальных рисунков даст историкам еще один важный источник информации, освещающий многие стороны духовной культуры древнего населения, их мировоззрения, мышления и этим оживит древнюю историю Севера нашей страны. Петроглифы остаются важным источником для изучения некоторых сторон хозяйственной деятельности и материальной культуры. Работа К. Д. Лаушкина, несомненно, побудит новых исследователей заняться этой трудной, но благодарной темой.

Ю. Савватеев

### НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Hermann Strobach. *Bauernklagen*. Untersuchungen zum sozialkritischen deutschen Volkslied. Berlin, 1964, 438 стр.

Немецкий народ обладает не только глубоко поэтическими и удивительно музыкальными лирическими песнями, но и песнями иного рода: в них закабаленный крестьянин выражал свое критическое отношение к социальной действительности своего времени. Впервые такие песни были широко собраны, систематизированы и прокомментированы в двухтомнике Вольфганга Штейнитца «Немецкие народные песни демократического характера за шесть столетий»<sup>1</sup>. Здесь собраны песни крестьян, ремесленников, рабочих, солдат, песни исторические периода крестьянских войн и восстаний, песни борьбы за социальную справедливость, свержение эксплуататорского строя и борьбы за мир. Таких песен оказалось неожиданно много. Одним из деятельных сотрудников в создании этой книги был доктор Герман Штробах. Ныне он выступает продолжателем дела, начатого Штейнитцем, но цели его несколько иные. Его работа охватывает только один жанр, но зато всесторонне и с исчерпывающей полнотой. Это так называемые *Bauernklagen* (буквально крестьянские жалобы, сетования), известные начиная с летучих листов XVII в. и существующие и поныне. Насколько правильно именно такое направление работы после книги Штейнитца, видно по результатам: найдено и опубликовано 39 песен этого жанра. До сих пор были известны лишь отдельные песни. Часть новых материалов — очень редкие, уникальные песни, представленные одной записью, другие стали известны в многочисленных вариантах, которых набирается 200 (стр. 367). Из них 140 обнаружены автором впервые (извлечены из архивов и других источников). Уже это одно составляет огромную заслугу. Если так же обстоит дело и с другими жанрами, имеющимися в книге Штейнитца, то наше представление о немецкой песне должно будет существенно измениться.

Тип рецензируемой книги для нас не совсем обычен. Она состоит из двух частей. Первая называется «Исследования песен» и строится из ряда этюдов о каждой песне в отдельности (стр. 9—327). В зависимости от количества вариантов и от значения песен эти этюды различны по своим размерам, но все они носят строго исследовательский характер. При них в одном или, если нужно, в нескольких вариантах публикуются песни. Полный список вариантов дан в специальном обширном библиографическом приложении. Вторая часть содержит общие выводы из очерков первой части, а также теоретические обоснования исследования (стр. 327—411). Такое построение книги весьма удачно и дает возможность полностью разрешить задачу, которую автор себе поставил, а именно, по возможности всесторонне изучить эти песни на основе наиболее полного охвата источников (стр. 1—2).

Что же представляют собой крестьянские жалобы? Жанр этот почти неизвестен в русском фольклоре. Русский крестьянин говорит о тяжестях своей жизни либо в похоронных и примыкающих к ним бытовых причитаниях, либо в песнях крестьянских войн, в песнях разбойничьих, в песнях тюрьмы, каторги и ссылки. Жанр же немецких «крестьянских жалоб» имеет совершенно иной характер. Это распеваемые стихотворения, сложенные не столько крестьянами, сколько различными людьми, хорошо знающими крестьянство, песни о крестьянах и для крестьян (стр. 353—364). Эти песни затем подхватывались и пелись. Можно ли такие песни назвать народными? Во второй части своего труда Г. Штробах подробно развивает теорию народной песни, определяет сущность ее и приходит к правильному выводу, что народный характер песни определяется не происхождением ее, которое может быть очень различным, а бытованием и вариантностью. Для ряда анонимных текстов удалось установить авторов —

<sup>1</sup> W. Steinitz, *Deutsche Volkslieder demokratischen Charakters aus sechs Jahrhunderten*, Akademie — Verlag, Berlin, т. I, 1954; т. II, 1963.